

## Принципы построения перспективного плана<sup>1</sup>

### I. Предварительные замечания

Уже не раз указывалось, что „контрольные цифры“ имеют двоякий смысл: с одной стороны, это попытка, исходя из анализа прошлого, чисто генетически выяснять возможности ближайшего хозяйственного года; с другой стороны, при составлении контрольных цифр всегда предполагается определенная система экономической политики, необходимая для воплощения в жизнь намеченных возможностей.

То же самое можно сказать и о всяком ином перспективном плане.

Всякий перспективный план народного хозяйства — будет ли это генеральный план, пятилетка или контрольные цифры — должен представлять собой синтез директивы и прогноза, т.е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости. Часто возникающие среди плановых работников прения о том, какому из этих двух элементов должно быть отдано преимущество, по нашему мнению, являются сплошным недоразумением, вытекающим из неправильной постановки вопроса. Телеология и генетика — не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого.

Перефразируя известное изречение Канта, можно сказать, что телеологические установки перспективного планирования без генетического их обоснования пусты, генетические исследования без целевых установок слепы. План народного хозяйства должен быть зрячим и, вместе с тем, реальным, научно обоснованным.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях советской общественности соотношение между телеологией и генетикой носит специфический характер, вследствие чего существенно модифицируются приемы и методы генетического исследования. При анализе капиталистического общества, где тенденции развития складываются в результате стихийного сочетания большого числа индивидуальных хозяйственных актов, широко применима основанная на теории веро-

ятности методология современной научной статистики. В СССР государственная организованная воля пролетариата выступает в качестве мощного экономического фактора; наша история, объект научного генетического анализа, на ряду с тенденциями, развивающимися стихийно, представляет собой — и чем дальше, тем больше — кристаллизацию телеологии, материализованной в фактах прошлого единым субъектом обобществленного хозяйства — государством. Поэтому поле действия закона больших чисел и других постулатов и теорем теории вероятности в современной советской экономике ограничено гораздо более узкими рамками, нежели в капиталистическом строе. Весьма ограничено поэтому и применение основанной на теории вероятности статистической методологии, особенно при анализе динамических рядов и попытках их экстраполяции.

1 Таким образом, научная подготовка материала для перспективного планирования должна состоять не столько в формально-статистических манипуляциях, сколько в качественном экономическом анализе структуры современного советского хозяйства и тех специфических закономерностей, которые именно из этой структуры вытекают. Точнее говоря, правомерность применения того или другого формально-статистического метода должна быть обоснована не абстрактными теоретическими соображениями, а конкретным познанием текущей экономики.

Совершенно исключительная трудность построения пятилетки, при только что очерченных общих условиях, состоит в том, что мы вынуждены выполнить эту работу в момент глубокого перелома в нашей хозяйственной жизни, на рубеже двух существенно различных между собой эпох. Три года тому назад, когда мы впервые приступили к разработке „контрольных цифр“ на год вперед, задача, вставшая перед нами, была значительно проще. Мы имели тогда за своей спиной трехлетний процесс восстановления народного хозяйства СССР; мы были вооружены знанием (правда, очень грубым и приблизительным) основных закономерностей „восстановительного периода“. Это давало кое-какую научную базу для проектирования хотя бы некоторых кривых хозяйственного развития. В настоящий момент мы находимся в предверии того реконструктивного периода, который должен быть содержанием проектируемой пятилетки. Опыты реконструкции, производившиеся в течение последних двух лет, до сих пор не изучены да и по существу дела едва ли могут послужить фундаментом для научных перспективных построений, так как, по видимому, еще не преодолели окончательно стадию „детских болезней.“

Вышесказанное заставляет подходить к теоретическому обоснованию пятилетки с величайшей тщательностью, но, вместе с тем, и с большой осторожностью. Не следует увлекаться детализацией схематических цифровых построений, высшее достоинство которых состоит в том, что они (как совершенно произвольные) не могут

<sup>1</sup> Статья дискуссионная. Критическое освещение некоторых спорных положений будет дано в одном из ближайших номеров журнала. Р. в. д.

быть ни опровергнуты, ни доказаны. Надо сосредоточить все свое внимание на основных архитектурных линиях перспективного плана, памятуя, что в настоящее время мы в состоянии дать лишь его первоначальный набросок, который несомненно разойдется с действительностью, и в ближайшие годы потребует построения новых вариантов.

Только что указанное соотношение между телеологией и генетикой, само собой разумеется, отнюдь не является абстрактным логическим выводом из марксистской теории познания, но диктуется той конкретной фазой в развитии нашей познавательной мощи, которую мы в настоящий момент переживаем. С точки зрения марксистской гносеологии все общественное развитие строжайшим образом детерминировано. Не только грядущие стихийные процессы, но и грядущая воля отдельных лиц и организованных классов, грядущие действия, направляемые личной или коллективной волей и результаты этих действий с совершенной необходимостью вытекают из прошлого. Если бы мы располагали идеальным познанием, мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать, путем генетического научного исследования, и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформации надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстроек. Ни о каких априорных целевых заданиях, ни о каких предварительных конструкциях или „моделях“ в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы никаких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непрекаемостью начертать единственно возможный и необходимый путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе, мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных целевых заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их.

Из предыдущего ясно, что в практике перспективного планирования неизбежно применяются принципы двоякого рода: телеологические или целевые задания и собственно методологические, т.е. те научные приемы, при помощи которых обосновываются целевые установки плана и отыскиваются пути осуществления их с наименьшей затратой времени и сил. Сверх того, в нашей плановой практике мы часто пользуемся постулатами, которые, строго говоря, не относятся ни к первой, ни ко второй категории, но представляют собой некоторое смешанное образование. Это — рецепты, содержание которых, само по себе, не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних при определенных объективных предпосылках. Таковы, например, нижеследующие указания: „продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления“, „индексы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары должны сближаться“

и т. п. Такие условные директивы, правильные лишь при определенных предпосылках, я буду называть „регулятивными идеями“ (имеется в виду тот смысл, который придавала этому термину кантианская философия, противопоставляя „регулятивное“ „конститутивному“).

## 2. Целевые задания

Какава основная целевая установка перспективного плана?

В наиболее общей форме она охарактеризована на стр. 1 „Материалов центральной комиссии по пятилетнему плану“. „Задача перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширение воспроизводства этих производительных сил возможно быстрым темпом, в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма“.

Приведенная формула в сжатом виде намечает те существеннейшие принципы, с которыми нам приходится считаться при построении как генерального, так и пятилетнего перспективного плана. Трехединный постулат оптимального сочетания роста производительных сил, повышения благосостояния трудящихся масс и развертывания процессов обобществления составляет телеологический стержень плана; постулат „бескризисного воспроизводства“ предопределяет методологию перспективного планирования.

Остановимся на телеологическом моменте. В масштабе годичных планов возможен известный антагонизм между требованием осуществить максимально быстрый рост производительных сил, с одной стороны, в максимальной степени повысить уровень жизни трудящихся масс, с другой стороны, и вместе с тем, в максимальной же степени форсировать социализацию общества. Очевидно, например, что, задавшись целью значительно повысить реальную зарплату рабочих, мы должны соответственно расширить продукцию предметов массового потребления на данной технической базе и тем самым ослабить ресурсы, необходимые для технической реконструкции промышленности. Не менее очевидно, однако, что такое распределение ресурсов предвещает замедленный рост благосостояния рабочих в один из следующих годов, когда пониженный темп реконструкции скажется на состоянии текущего производства. И обратно — форсирование технико-реконструктивных работ, за счет сдержанного роста потребления в данный момент, было бы компенсировано более быстрым ростом потребления в период практического использования новой техники. Таким образом, в рамках пятилетнего, а тем более генерального плана, никакой антагонизм между повышением

жизненного уровня и ростом производительных сил советского общества не возможен, ибо если отвлечься от денежной оболочки, то и первый и второй процесс будут иметь одну и ту же меру: количество благ или потребительных ценностей, приходящихся в среднем на одного члена общества. То же самое надо сказать и о процессах обобществления в их отношении к развитию производительных сил. В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его „оковы“, хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, готовить в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение.

Намечая перспективную динамику роста производительных сил, благосостояния трудящихся масс и процессов обобществления, нельзя ни на минуту забывать о том, что мы имеем здесь перед собой не параллельные ряды развития, а процесс реального взаимодействия. Данная социальная структура вызывается к жизни ростом материальных производительных сил, является надстройкой над материальным базисом, но вместе с тем, раз сложившись, она оказывает, в особенности у нас в СССР, могучее воздействие на дальнейшее развитие производительных сил. (Обстоятельство, заставляющее с особым вниманием исследовать народнохозяйственную эффективность тех конкретных организационных форм, в которых воплощаются у нас процессы обобществления.) Равным образом, подъем жизненного уровня рабочей массы, будучи непосредственным результатом роста производительных сил, есть в свою очередь необходимая предпосылка дальнейшего повышения интенсивности и квалификации труда.

Если в размахе пятилетнего и тем более генерального плана не может быть никакого принципиального противоборства между развитием производительных сил, благосостояния народных масс и процессов социализации, то отсюда отнюдь не следует, что темпы их роста должны быть всегда одинаковы или пропорциональны.

Возможно такое стечение обстоятельств, при котором требуется на некоторое время замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепить на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил. Но невозможно представить себе обратное, т.-е. необходимость временного замедления роста

производительных сил в целях форсирования народного благосостояния или процессов социализации.

Развитие производительных сил есть ведущее звено. В оптимальном плане этот показатель должен обнаруживать плавный рост. Всякие перебои, срывы или замедления свидетельствовали бы в данном случае о дефектности плана. Понятие „оптимального“ пути развития включает в себе, конечно, также бесперебойность роста благосостояния и социализации. Однако, временные замедления темпа могут вытекать здесь не из дефектности плана, а из дефектности того конкретного жизненного материала, к которому план применяется. Только длительная приостановка роста (депрессия) или резкое попятное движение (кризис) могут и здесь рассматриваться, как явные признаки несостоятельности планового замысла.

Переходя от формальной целевой установки к основному материальному заданию перспективного плана „индустриализации на новой энергетической базе“, мы должны, прежде всего, дать себе ясный отчет в том, какие качественные сдвиги, какие перемены в социальной структуре СССР и его отдельных районов связаны с выполнением этой директивы.

Согласно анализу, который шесть лет тому назад был сделан В. И. Лениным и до настоящего момента ни в коей мере не успел устареть, советская общественность представляет собой симбиоз пяти социально-экономических укладов: 1) социалистического, 2) госкапиталистического, 3) частнокапиталистического, 4) простого товарного, 5) патриархально натурального. В борьбе за полное и окончательное проведение в жизнь социализма главным активным врагом обобществленного сектора выступает частный капитал; но той почвой, на которой легко разрастается частно-капиталистическая поросль, той питательной средой, которая вливает в капитал новые жизненные силы после сокрушительных ударов, наносимых ему нашей экономической политикой, является простой товарный и патриархально-натуральный сектор. По отношению к этим архаическим социальным формациям, унаследованным нашей деревней от средних веков и первобытно-родового быта, кулак имеет могучее и притом ускользающее от государственного контроля орудие эксплуатации в форме ростовщического капитала. Этот древнейший и наиболее паразитический способ капиталистического накопления, несомненно, практикуется в современной деревне, обездоливая низшие слои крестьянства и сосредоточивая в руках высших его слоев ресурсы, позволяющие этим последним развешивать широкую спекуляцию во всех тех случаях, когда просчеты или перебои в нашей экономической политике создают для этого благоприятную почву.

С другой стороны, натуральное самопотребительное хозяйство крестьянской семьи есть жизненный уклад, в наибольшей степени

гетерогенный плановому хозяйству, основанному на широком общественном разделении труда и высокой культуре. Патриархально-натуральный уклад — это крепость, о стены которой бессильно разбиваются волны культурного прилива, в недрах которой крестьянин, как улитка в своей раковине, почти недоступен влиянию окружающей среды и, во всяком случае, находится вне пределов досягаемости для государственной плановой политики. Наконец, натуральное хозяйство и некоторые виды простого товарного производства представляют собой пережитки чрезвычайно низкой примитивно-беспомощной техники. Даже при максимально интенсивном и экстенсивном использовании труда всех работоспособных членов семья обречена здесь нередко на нищенское существование. Перед нами те крайне упадочные виды производительного труда, которые Маркс характеризовал как скрытую форму безработицы.

Очевидно, одной из первейших и важнейших проблем перспективного плана является планомерная ликвидация патриархально-натурального хозяйства и наиболее отсталых видов простого товарного производства.

При стихийном протекании этот процесс неизбежно привел бы к усилению мощи капиталистического сектора, росту дифференциации в деревне, обострению классовых противоречий и классовой борьбы. „Планомерность“ ликвидации архаических форм хозяйства должна, следовательно, состоять в таком осуществлении этого социально-экономического сдвига, при котором капиталистический сектор не усиливается, а наоборот, окончательно теряет питающую его среду, в то время как обобществленный сектор приобретает прочную и незыблемую базу.

Как мы только что сказали, тормозом на пути к социализму являются в нашей стране не только пережитки капитализма, но и пережитки докапиталистических формаций. Нам приходится, следовательно, в плановом порядке разрешить ту гигантскую задачу „денатурализации“ народного хозяйства и перераспределения рабочей силы, согласно требованиям общественного разделения труда, какую капитализм в стихийном порядке разрешил на заре своего существования, в эпоху так называемого „первоначального накопления“. В капиталистических странах процесс этот протекал чрезвычайно болезненно, сопровождался величайшими бедствиями для трудящихся масс, порождая острейшие социальные кризисы. В Англии и ее владениях значительное количество мелких ремесленников и крестьян просто вымерло (вспомним цитированную Марксом фразу официального отчета: „Равнины Индии белеют костями ткачей“); много „избыточных“ эмигрировало в Америку; наконец, десятки тысяч труженников, выброшенные на улицу, превратились в бездомных нищих и были „ликвидированы“ в порядке применения исключительных законов против бродяжничества. Аналогичные явления наблюдались и в капиталистических странах европейского континента.

Иначе обстоит дело в СССР. Мы должны построить план вытеснения натурального хозяйства и некоторых видов мелкоремесленного производства реконструированной техникой с таким расчетом, чтобы освобождающаяся при этом рабочая сила (вернее, переходящая из состояния „скрытой“ в состояние явной безработицы) могла быть планомерно использована в системе рационально расчлененного общественного труда, и при том использована в таких формах, которые сразу же связывали бы ее теснейшими узлами с обобществленным сектором, вырывая из сферы влияния частного капитала. Так история поставила проблему использования рабочей силы в процессе генеральной реконструкции нашего народного хозяйства. Она должна быть разрешена, ибо в противном случае пришлось бы признать неосуществимым самый принцип планового хозяйства в период реконструкции.

В самом деле, мы еще по настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот, поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее, уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддержание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 миллионов на денежные пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни „ликвидировать“ их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотни миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы мы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис, — не кризис хозяйственной „конъюнктуры“, а кризис всей системы планового хозяйства.

Но если проблема рационального использования фонда избыточной рабочей силы является действительно основной для нашего перспективного плана, то прежде всего необходимо выяснить размеры этого фонда, и притом не только в теперешнем его состоянии,<sup>1</sup> но прежде, всего, в динамической установке плана реконструкции.

<sup>1</sup> О том, как подойти к учету наличного избыточного населения, т.е. текущей безработицы в ее скрытой форме, см. ниже в разделе „Методология“.

Для этой последней цели надлежит наметить порайонно наиболее рациональные типы земледельческого и животноводческого хозяйства и указать (конечно, в самых грубых ориентировочных цифрах) те контингенты работников, которые необходимы будут для ведения этого рационализированного и специализированного сельского хозяйства. Само собой разумеется, при этих расчетах следует исходить не из теперешних, фактически наблюдаемых коэффициентов „трудоемкости“ и не из каких-либо эмпирических кривых развития, а из рациональных агрономических и технических норм. К полученной таким образом сумме надо присоединить то количество земледельцев, которое целесообразно и возможно переселить в необжитые земледельческие районы, подлежащие колонизации в период генеральной реконструкции. Разница между полученным итогом и общей численностью деревенского населения в рабочем возрасте и укажет порядок той „избыточной“ величины, которая в процессе реконструкции народного хозяйства выпадет из земледельческого производства и должна быть планомерно распределена в городе и деревне между прочими отраслями производительного труда. Мы не желаем предрешать результатов этих расчетов, но надо быть заранее готовыми к тому, что подлежащий рациональному использованию избыток составит огромную величину.

Плавное, бескризисное разрешение этой гигантской задачи, стоившей капитализму величайших потрясений, возможно лишь при условии, что в данном случае наша хозяйственная система обладает, по сравнению с капитализмом, не только иначе направленным волевым устремлением, но и громадными объективными преимуществами. И такие преимущества, действительно, существуют.

Капитализм, убивая отсталые формы производства прогрессирующей техникой, тем самым понижает покупательную способность трудовых масс населения, сужает внутренний рынок и именно поэтому в состоянии занять в своих реконструированных предприятиях лишь ничтожную долю крестьян и ремесленников, ставших „избыточными“ вследствие процесса реконструкции. Отсюда ожесточенная погоня за внешними рынками на первых же ступенях развития капитализма и brutальный „империализм“ эпохи первоначального накопления (работа „Ост-Индских компаний“ и т. п.).

Нашему строю было до сих пор присуще противоречие как раз противоположного характера. Рост номинальной покупательной способности населения обгонял реальные возможности ее удовлетворения; платежеспособный спрос на предметы широкого потребления у нас почти всегда превышал размеры продукции в ценностном выражении. Расширить внутренний рынок в меру производственных возможностей реконструируемого народного хозяйства в наших условиях не представляет никакой трудности. Здесь нет для нас никакой „проблемы“. А раз это так, то в Советском Союзе перспектива повышения производительности труда, скажем, в три раза, вовсе не

означает, что две трети работников, занятых до сих пор в народном хозяйстве, окажутся излишними. И при новой технике вся наличная рабочая сила может и должна найти себе приложение; продукция тогда вырастет втрое, а следовательно, втрое же увеличится и потребление народных масс.

Но если тут нет никакой принципиальной трудности, то возникают огромные практические затруднения вследствие того, что ресурсы, которые мы можем затратить на дело реконструкции, очень скромны, а запасы рабочей силы по своей квалификации не соответствуют требованиям реконструкционного процесса. План систематического преодоления этих трудностей и должен составить главное содержание наших работ по построению как генеральной, так и пятилетней перспективы.

Задача планомерного втягивания в индустрию избыточного населения при нашей культурной отсталости и ограниченности тех материальных ресурсов, которые мы можем выделить для целей реконструкции, создают повелительную необходимость проводить индустриализацию в строгой системе как в смысле типов вновь создаваемых предприятий, так и в смысле их очередности. К сожалению, в теории и практике нашего индустриального строительства (за исключением электрификации) не наметилось до сих пор достаточно выдержанной системы. Не формулированы с надлежащей четкостью руководящие идеи, вытекающие из специфических условий хозяйственного развития Советского Союза, и зачастую пользуются незаслуженной популярностью традиции, унаследованные от дореволюционного прошлого.

Союз ССР — страна очень богатая скрытыми возможностями, но очень бедная реальным накоплением. Даже при наличии значительных иностранных кредитов, мы еще долгое время будем стеснены в средствах, необходимых для капитальных вложений в реконструируемое народное хозяйство. Там, где развитие производительных сил предполагает значительное возрастание основного капитала, мы не в состоянии вести реконструктивные работы достаточно быстрым темпом. Основной руководящей идеей нашей индустриализации должно быть, поэтому, достижение возможно большей эффективности, — и в смысле физического объема продукции, и в смысле производительности труда, и в смысле вовлечения в производство новых кадров рабочей силы, — при возможно меньших затратах на капитальное строительство. Современная техника открывает в этом отношении две возможности, которые при их умелом и систематическом использовании позволили бы нам придать индустриализации исключительно мощный размах, далеко опережающий темпы роста капиталистических стран в соответственную эпоху их развития. Это, во-первых, рационализация, во-вторых, электрификация.

Остановимся сначала на первом моменте — „рационализации“ индустриальных предприятий, понимая под этим термином как

устранение излишних трудовых процессов (НОТ), так и ускорение работы механизмов при специализации и автоматизации сложных операций. Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам.

Против этой руководящей идеи возражают обыкновенно, что она предполагает закрепление на долгий срок наших коммерческих связей с заграницей, в то время как неблагоприятная и все ухудшающаяся международная обстановка заставляет нас стремиться к возможно более быстрой ликвидации всякой нашей хозяйственной зависимости от внешнего мира. В основе этой аргументации лежит явное недоразумение. Наша теперешняя зависимость от заграницы обусловлена не какими-либо „естественными“ причинами, а исключительно низким уровнем нашей материальной культуры, т.е. недостаточной индустриализацией нашей страны, которая и по своим климатическим условиям и по обилию естественных богатств вполне приспособлена к тому, чтобы обитающее в ней население образовало почти самодовлеющий народнохозяйственный организм (типа Соединенных Штатов Северной Америки). Другими словами, эмансипация от капиталистического окружения в наших условиях есть, прежде всего, функция индустриализации; она будет достигнута тем скорее, чем более быстрым темпом пойдет процесс индустриализации. Следовательно, если доказано, что намеченная выше схема обеспечивает максимально быстрый темп индустриализации, то тем самым доказано, что и с точки зрения экономического освобождения СССР от иностранной зависимости эта схема является наиболее рациональной. В самом деле, допустим, что при проведении индустриализации мы не будем соблюдать рациональной очередности, позволяющей в каждый данный момент сосредоточить наше строительство в тех областях, в которых мы к этому наилучше подготовлены и можем сразу использовать наиболее мощные типы современной техники, а поспешим построить собственные предприятия для производства всех продуктов, в каких мы нуждаемся. Наша организационно-техническая неподготовленность и нерациональное распыление средств, неизбежное при такой поверхностной индустриальной экспансии, приведут к тому, что эти новые предприятия, поглотив в общей сложности огромные капитальные вложения, будут влачить

чахлое существование, переживая нескончаемые „детские болезни“ и выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высокой себестоимости и очень низкого качества. Эмансипации от заграницы эти скороспелые отечественные суррогаты, конечно, не дадут, а преодоление отсталых форм хозяйства замедлят, общую мощь народнохозяйственного целого подорвут и всю перспективу генеральной реконструкции существенно исказят.

Необходимо, сверх того, подчеркнуть, что скороспелое капитальное строительство в отраслях, еще не завоевавших себе достаточно широкой базы в СССР, не только замедлило бы рост производительных сил в ближайшем будущем, но сковало бы его на долгие и долгие годы. Специализация производства при ограниченном его масштабе не осуществима. Следовательно, строя новые предприятия в производствах, не носящих массового характера, мы были бы вынуждены вложить большие средства в технические сооружения устарелого типа, — в сооружения, эффективность которых много меньше эффективности их западно-европейских или американских конкурентов. Таким образом, мы с наступлением предпосылок массовой продукции в очень многих случаях будем поставлены перед альтернативой: или дорабатывать до „конца“, до пределов естественного износа предприятия, морально устаревшие еще до своего рождения на свет, и примириться с тем, что каждый новый год их эксплуатации будет закреплять и углублять нашу техническую отсталость по сравнению с капиталистическим миром, или аннулировать в недоиспользованном виде миллионы „человекодней“, воплощенных в нерациональном строительстве, — операция менее всего плановая.

Разумеется, провести принцип рациональной очередности в его чистом виде, без всяких компромиссов, нельзя. Для укрепления нашей обороноспособности мы вынуждены ставить и развивать предприятия, не удовлетворяющие этому принципу. Но исключения этого рода должны быть ограничены продукцией специального назначения, группой кадровых предприятий. Что же касается всех тех сфер индустриализации, которые в мирное время призваны обслуживать, так сказать „гражданские“ потребности, то здесь интересы обороноспособности и интересы народнохозяйственного целого совпадают: укрепление и повышение хозяйственной мощи СССР есть, вместе с тем, укрепление его обороноспособности.

Переходим к рассмотрению второго момента современной техники, к ее новой „энергетической базе“. Электрификация открывает очень широкие горизонты в области механизации кустарно-ремесленных промыслов без превращения их в фабричное производство, т.е. с элиминированием огромных капитальных затрат на возведение технических и жилых зданий. В истории капитализма механизация любой отрасли труда была равносильна его превращению в фабрично-заводское производство. Но это далеко не всегда диктовалось техни-

кой самой выработки продукта. Главная причина состояла в том, что тогдашняя паросиловая база не допускала ни дробления энергии, ни передачи ее на расстояние. Переход к новой электрической энергии, которая может быть как угодно дробима и передаваема на большие расстояния, означает глубокий переворот в технике и организации многих производств. Переворот этот далеко еще не освоен во всей его полноте капиталистическими странами, отягченными гигантским техническим и культурно-бытовым наследием старого века. Есть все основания думать, что казарменно-фабричный стиль индустрии и его достойное бытовое дополнение — дома небоскребы — найдут себе место в музеях грядущего социалистического общества, как наиболее яркие проявления того культурного варварства, которое создавалось грубой техникой эпохи классического капитализма.

Мы можем и должны выступать пионерами в этом отношении, стать с первых же шагов нашей индустриализации на путь создания предприятий нового типа, вполне отвечающего возможностям новой энергетической базы. Необходимо самым тщательным образом исследовать возможности индустриализации кустарно-ремесленных промыслов с сохранением за ними их „домашнего“ характера. Во всех тех случаях, — а их не мало, — когда дешевый ток и дешевый автоматический станок позволяют поднять производительность труда ремесленников до уровня рабочих передовых предприятий, мы должны отказаться от шаблона индустриализации в формах фабрично-заводского урбанизма. Во всех этих случаях последнее слово современной техники — не только в области механизации, но также специализации и стандартизации — может быть, а следовательно, и должно быть привито кустарно-ремесленной промышленности. Неизбежные при этом добавочные издержки по транспортировке изделий с лихвой окупятся огромной экономией на капитальном строительстве, не говоря уже о том колоссальном социально-культурном значении, какое имело бы внесение индустриализации в ее самых изысканных формах в отсталую крестьянскую и полукрестьянскую среду. Само собой разумеется, электрифицируя и механизуя ремесленно-кустарные промыслы, мы должны позаботиться о том, чтобы созданные этим путем индустриальные работники нового типа имели дело не с капиталистом — посредником между ними и „вольным“ рынком, а с государством, которое должно, с одной стороны, выступить в качестве „заказчика“ и поставщика сырья, с другой стороны стимулировать производственное кооперирование технически обновленных промыслов.

Но и в тех случаях, когда техника производства заставляет придать ему фабрично-заводской характер, вовсе не обязательно строить новые предприятия в городах, стягивая туда и обслуживающих их рабочих. В особенности нежелательно там, где дело идет о переработке сельскохозяйственного сырья.

Производство сырья и все стадии его переработки желательно сплавивать не только организационно, но и территориально, в це-

лостные комбинаты. Помимо возможной экономии на капитальном строительстве (например, на жилстроительстве) здесь опять-таки необходимо иметь в виду еще и то более существенное обстоятельство, что такие комбинаты могли бы явиться мощными центрами индустриальной культуры в недрах самой деревни (именно под этим углом зрения говорил о слиянии города и деревни К. Маркс).

Недостаток некоторых видов сырья, необходимого для массовой продукции предметов широкого потребления, и невозможность в достаточной мере форсировать продукцию этих видов сырья в СССР заставляют поставить вопрос о всемерном расширении нашей торговли с границей, в частности о подготовке новых объектов массового экспорта. Однако, непрерывно растущая зависимость от иностранного рынка в области основных видов массового сырья представляется нежелательной даже при устойчивости наших коммерческих отношений с внешним миром. Она превращается в прямую угрозу при наличии международных осложнений. Германия, отрезанная во время великой войны от внешнего рынка, поставила и в течение двух—трех лет практически разрешила для целого ряда производств задачу „замещения“ импортного сырья продуктами отечественного происхождения. Многие из этих „замещающих производств“ (Ersatz-Industrien) оказались настолько удачными, что удержали свои позиции и по окончании войны. СССР — не Германия. Но при всей нашей культурной отсталости не будет утопией, если мы поставим перед нашими инженерами задачу создания одного или двух „замещающих производств“ (а не многих, как в Германии) в течение 5—7 лет (а не 2—3, как в Германии). Представлялось бы, во всяком случае, чрезвычайно существенным выдвинуть такое задание по крайней мере по отношению к хлопку и резине.

Энергетика и транспорт занимают особое место среди отраслей индустрии. Если масштаб развертывания предприятий, производящих орудия производства, определяется фактически проявленной реальной потребностью, то энергетические установки и транспортное строительство должны ориентироваться не на реальный, а на потенциальный спрос. Так, например, широко разветвленная сеть под'ездных путей как рельсовых, так и грунтовых, является предпосылкой ликвидации натурального и полунатурального хозяйства в деревне. Приступая к проведению такой сети в каком-нибудь районе, мы еще не имеем тех грузовых потоков, на которые рассчитана сеть. Но уже существуют как материальные, так и персональные элементы производства, которые при бездорожье обречены оставаться в раз'единенном и парализованном состоянии, а после проведения дороги должны об'единиться в акте производительного труда, насытив его продуктами вновь созданные транспортные артерии.

Однако, и для сооружений, обслуживающих такие потенциальные, находящиеся, так сказать, *in statu nascenti* нужды народного

хозяйства, применим тот общий критерий, который был сформулирован выше. Очередность строительства должна и здесь определяться максимальным производственным эффектом этих потенциальных, вновь вызываемых к жизни отраслей труда при минимальных капитальных затратах. Например, при проведении в жизнь плана электрификации, в первую очередь, надлежит строить станции, необходимые для электрификации существующих промышленных и горнопромышленных центров, а также густонаселенных аграрных районов, и приступать с особой осмотрительностью к силовым установкам, мощность которых может быть полностью утилизирована лишь после того, как в обслуживаемом ими районе будут созданы новые виды индустрии, требующие больших капитальных вложений и длительных сроков строительства.

Наличность значительной явной и скрытой безработицы выдвигает идею „трудоемкости“ в качестве одного из основных критериев целесообразности реконструктивных начинаний. В чем же состоит этот критерий? Нередко он формулируется так: „при прочих равных условиях реконструкция должна быть направлена в сторону предприятий, характеризующихся наибольшей трудоемкостью“. Формулировка эта невразумительна, ибо при различных затратах живого труда равенство всех прочих условий немыслимо. Из огромного числа возможных комбинаций в области „прочих условий“ существенно рассмотреть две полярные.

Комбинация первая: „при равенстве капитальных вложений более трудоемкий вариант дает по сравнению с менее трудоемким рост физического объема продукции в той или даже еще большей пропорции, чем рост числа занятых рабочих“ (т.-е. повышение трудоемкости сопровождается повышением производительности труда). В таком понимании критерий трудоемкости бесспорно правилен и имеет в наших условиях огромное значение в качестве регулятивной идеи при выборе способов и форм реконструкции народного хозяйства. Именно этим критерием мы и руководствовались выше, выдвигая вперед момент рационализации массовых производств, электрификацию и механизацию ремесленно-кустарных промыслов без превращения их в фабричные предприятия, построение индустриально-земледельческих комбинатов в деревне, вместо того чтобы сосредоточивать индустриальную часть этих комбинатов в городах и т. п.

Вторая комбинация: „при равенстве капитальных вложений более трудоемкое предприятие дает меньше продукции на каждого занятого в нем работника, чем предприятие менее трудоемкое“ (т.-е. повышение трудоемкости сопровождается понижением производительности труда). Принимая в качестве критерия идею трудоемкости в этой второй комбинации, можно отстаивать и действительно отстаивают целесообразность больших капитальных вложений на ремонт и подновление технически отсталых предприятий в противо-

вес строительству заводов нового типа, которые - де грозят пролетариату увеличением безработицы, чрезмерно повышая производительность труда. С такой постановкой вопроса никак нельзя согласиться. Консервация на многие годы отсталой техники при помощи значительных затрат на ее воспроизводство в неизменном или почти неизменном виде есть прямое отрицание плановой реконструкции, очевиднейшее *testimonium paupertatis* планового принципа. Как уже было отмечено, в условиях советского строя развертывание физического объема продукции в том же масштабе, в каком растет производительность труда, не может натолкнуться на препятствие в ограниченности внутреннего рынка. Поэтому увеличение безработицы под влиянием прогресса техники отнюдь не является у нас экономической необходимостью, и если все же наблюдается, то это свидетельствует о нашей организационной неумелости, каковая едва ли заслуживает увековечения в генеральном плане.

Итак, критерием трудоемкости не может быть перекрыт основной критерий реконструкции: повышение уровня производительных сил. Лишь при равенстве этого главного показателя показатель трудоемкости приобретает свое регулятивное значение.

Особого упоминания заслуживает тот случай, когда техническое усовершенствование производства хотя и повышает производительность труда, но с капиталистической точки зрения представляется нерентабельным, так как требует труда, более высоко оплачиваемого. Критерий частнохозяйственной рентабельности для нас, конечно, не обязателен, лозунг нашей реконструкции: высокая напряженность и производительность труда при высокой оплате и коротком рабочем дне. Возможна, однако, и такая ситуация, когда не только с частнохозяйственной, но и с народнохозяйственной точки зрения „рентабельность“ приобретает решающее значение при выборе типа реконструктивных работ. Это имеет место тогда, когда, используя имеющиеся в избытке запасы низко оплачиваемой рабочей силы, можно при ничтожных капитальных вложениях широко развернуть такие реконструктивные работы, которые являются необходимой предпосылкой повышения уровня производительных сил для целого района или для значительной отрасли народного хозяйства. Классический пример: земляные работы при проведении дорог или при гидроэлектрических сооружениях. Если вести их вручную, силами избыточного аграрного населения и при той зарплате, какая существует на „вольном“ крестьянском рынке, то они обходятся очень дешево и могут быть поставлены достаточно широко. Если же платить рабочим по ставкам союза строителей, то зарплата (со всеми начислениями) будет раза в три—четыре выше „вольной“. Стоимость работ при этом настолько увеличивается, что становится выгодным выписать из-за границы и пустить в дело экскаваторы. Возможности приобретения этих последних, однако, очень ограничены скудостью наших валютных ресурсов. Таким об-

разом, при высокой оплате и механизации труда мы вынуждены до крайности сузить объем работ, широкий размах которых (например, местного дорожного строительства) безусловно необходим для того, чтобы создать элементарнейшие предпосылки нормального развития для обширных и густонаселенных территорий. Здесь не с точки зрения предпринимателя, а прежде всего с точки зрения трудящейся массы данного района, которая выступает одновременно и в качестве рабочей силы и в качестве потребителя продукта, первый тип постановки работ несравненно „рентабельнее“ второго.

Все предыдущее построение пронизано той идеей, что план реконструкции должен базироваться на экономическом районировании хозяйства СССР. Основная конструктивно-производственная задача плана — провести в жизнь тщательно продуманную систему общественного разделения труда как в смысле рациональной дифференциации хозяйства СССР по отраслям, так и в смысле рационального размещения этих последних по территории страны. Наблюдающаяся среди некоторых районных работников тенденция истолковывать „индустриализацию районов“, в смысле насаждения в каждом районе возможно большего количества индустриальных отраслей, должна быть в корне отвергнута. Такая универсальная программа привела бы не к мощному росту, а к параличу и упадку производительных сил в хозяйстве СССР вообще и в хозяйстве каждого ее района в частности. Действительная индустриализация Союза возможна лишь при условии, что все усилия местных хозяйственников и местной советской общественности будут концентрированы на развитии той специальной функции в системе общественного разделения труда, которая выпадает на долю данного района в силу его географических, геофизических, демографических и других особенностей. Вокруг этой основной функции, делающей район необходимым и незаменимым органом общесоюзного хозяйственного организма, должны быть рационально скомбинированы все промыслы, имеющие местное значение. Такой и только такой смысл может иметь популярная у нас идея „районных комбинатов“.

Уже из приведенной выше схематической характеристики рационального распорядка реконструктивных работ ясно, что сколько-нибудь толково построить перспективный план возможно лишь при том условии, что по каждой отрасли народного хозяйства мы будем иметь в своем распоряжении не только общие предположения о размерах потребного для реконструкции финансирования и ожидаемых от оно „экспертных“ коэффициентов роста производительности, снижения себестоимости и т. д., но в достаточной мере конкретный и детализированный план реконструктивных и строительных процессов, так сказать, в натуре. Мы должны знать, что именно, где именно и как именно будет построено. Дело идет, разумеется, не об инженерных проектах, а об указании размера и типа новых сооружений. Столь же необходимо знать,

в какие сроки будут ликвидированы или преобразованы на новой технической базе существующие предприятия (например, наши технически отсталые универсальные металлургические заводы превращены в специализированные предприятия современного типа, вырабатывающие стандартную продукцию). Только на основании таких конкретных данных можно критически судить о вероятных темпах роста производительной силы труда, о потребной для производства рабочей силе, необходимых сдвигах в ее квалификации и о целом ряде других элементов, без которых перспективное планирование лишено всякого материального содержания. Конечно, силами одних плановых органов эта проблема не может быть решена; необходимо привлечение к ней ведомств. Напомним, что необходимость эта давно уже осознана; однако, до сих пор, несмотря на неоднократные запросы Госплана СССР и СТО, мы не имеем сколько-нибудь вразумительной ведомственной информации о размере, типе и эффективности строительства, и притом не только того строительства, которое еще планируется, но и того, которое уже осуществлено за последние годы.

Необходимо проявить непреклонную настойчивость, мобилизовать все силы для того, чтобы получить, наконец, как отчетные, так и перспективные данные, касающиеся строительства. Только при наличии такой материальной опоры имеет смысл отлить перспективный план в форму цифровой гипотезы. Конечно, и в этом случае гипотеза будет грубо ориентировочной и наверное разойдется с действительностью. Но поскольку в основе ее лежат все же не гадания, а технические расчеты эффективности, свойственной предприятиям данного типа, самые эти расхождения будут очень поучительными. Исследование их причин даст обильный материал для непрерывного совершенствования нашей плановой работы. Если же окажется невозможным добыть указанные выше сведения, то все цифровые прикидки перспективного плана не будут иметь никакого реального значения. Ибо тогда мы будем вращаться в призрачном мире экспертных цифр, в основе которых лежат, вероятно, какие-то подсознательные экстраполяции, но точный смысл которых не может быть расшифрован не только посторонними людьми, но и самими экспертами.

### 3. Методология

Выше было сказано, что основные методологические принципы построения перспективного плана вытекают из постулата „бескризисного расширенного воспроизводства“. В самом деле, „бескризисным“ народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте, запроектированном пятилеткой, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь

резких „диспропорций“. Выявить наличие или отсутствие равновесия возможно только при помощи построения баланса. Поэтому балансовый метод является основным методом построения перспективного плана.

Само собою разумеется, что о построении законченного „баланса народного хозяйства“ на пять лет вперед не может быть и речи. До настоящего времени, несмотря на большие усилия, затраченные в этом направлении работниками ЦСУ, мы не имеем еще баланса ни за один из истекших годов. Под балансовым методом в многолетнем перспективном планировании, как и в однолетних „контрольных цифрах“, мы разумеем не исчерпывающий сводный баланс, а совокупность отдельных балансовых расчетов, вскрывающих условия равновесия важнейших элементов народнохозяйственного целого. Так, например, построение баланса реального накопления и капитальных затрат, баланса платежеспособного спроса и продукции предметов потребления в ценностном ее выражении, „баланса города и деревни“, баланса топливно-энергетического, баланса экспортно-импортного, баланса государственного бюджета,—одинаково необходимо и для контрольных цифр и для пятилетки. Было бы потому излишним повторять здесь все то, что уже не раз говорилось и в методологической части контрольных цифр и в других трудах Госплана о балансовом методе, о присущих ему в его теперешнем виде несовершенствах, о необходимых его улучшениях. Здесь уместно будет упомянуть лишь о тех новых задачах, которые вносятся в балансовые расчеты многолетностью перспективных планов.

В интервалах пятилетнего и, в особенности, генерального плана достигают весьма значительной величины такие хозяйственные сдвиги, которые в течение годового периода почти неприметны. Отсюда, применительно к перспективным планам, возникает настоятельная необходимость в таких добавочных расчетах, которых контрольные цифры могли и не делать. Формулировать все такие добавочные расчеты возможно лишь после специального анализа тех требований, которые предъявит к перспективному плану каждая отдельная отрасль хозяйства. Мы ограничимся здесь указанием на необходимость двух новых построений, которые вытекают из формулированных выше целевых установок плана.

В существующей пятилетке даны: „баланс использования городского населения в рабочем возрасте“ и „баланс труда сельского населения“. Сюда необходимо присоединить расчет перспективной потребности народного хозяйства в труде, дифференцированном хотя бы по главнейшим видам его квалификации, ибо только тогда можно будет построить в виде корреспондирующей балансовой статьи „прихода“ план воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Пополнение пятилетки этим важнейшим разделом осуществимо, если будут выполнены формулированные

выше задания в области построения „в натуре“ плана капитального строительства.

Второе необходимое дополнение должно состоять в учете избыточной рабочей силы и ее перспективной динамики. Опубликованная пятилетка подходит к этой проблеме с точки зрения баланса рабочего времени. Такой подход необходим, но недостаточен. Поскольку дело идет о скрытой безработице (аграрное перенаселение), критерием является не наличие незанятого рабочего времени, а нищенский уровень жизни, который нередко сочетается с чрезвычайно интенсивным и экстенсивным использованием рабочего времени. Но что такое „уровень нищеты“? Определить этот уровень какими-либо объективными признаками едва ли возможно, да для нашей цели было бы и нецелесообразно. В хозяйственном планировании скрытая безработица выступает, прежде всего, как источник давления на рынок труда. С этой точки зрения „избыточным“ должен быть признан всякий, кто настолько не удовлетворен своим положением, что при малейшей возможности готов сняться с насиженного места и предоставить свою рабочую силу к продаже. Разумеется, это пояснение мало облегчает отыскание точных признаков скрытой безработицы; из области социально-экономической проблема переносится в область социально-бытовую, но от этого не становится менее сложной. Для решения ее потребуются, повидимому, кооперация Госплана с целым рядом исследовательских учреждений и отдельных специалистов (ЦСУ, Комм. Академия и др.). Необходимо подчеркнуть, что в той постановке проблемы „избыточного“ населения, какая дана в предыдущих строках, предметом исследования является текущий избыток, оказывающий активное воздействие на рынок труда в конкретных условиях данного хозяйственного года, а не тот общий фонд избыточных рабочих сил в деревне, размеры которого выявляются в свете предельных перспектив генеральной реконструкции сельского хозяйства. Учет этого последнего фонда, как уже было сказано выше, может быть выполнен, исходя из дифференцированных по районам рациональных технико-экономических норм, а не путем экономического анализа существующих социально-производственных отношений или каких-либо динамических коэффициентов, выведенных из опыта.

Уже в „Материалах“ Центральной комиссии по пятилетнему плану было отмечено, что при построении плана реконструкции народного хозяйства можно лишь с величайшей осторожностью и в очень небольшой степени использовать статические и динамические коэффициенты, выведенные из наблюдения народнохозяйственных процессов за истекшие годы. Но, как сказано выше, некоторые самые общие указания относительно темпов роста основных показателей все же могут быть даны.

Остановимся сначала на показателе производительности труда. Мерило роста этой последней для планового хозяйства является

индекс, учитывающий средний прирост выработки всех работающих членов общества, а не одних только фактически работающих. Плановое хозяйство не может, подобно капиталистическим предприятиям, рассматривать безработных, как некоторый вне его находящийся, стихийно-пополняемый резервуар рабочей силы. Резервы рабочей силы, как и всякие иные резервы, находятся внутри народного хозяйства, охватываемого планом, и должны быть учтены в его калькуляции. Если вследствие технической реконструкции производительность работающих увеличилась в  $n$  раз, а процент неработающих также вырос в  $n$  раз, то уровень производительных сил в каждой отдельной отрасли, охваченной реконструкцией, возрос, а в обществе в целом остался неизменным. Оптимальным план реконструкции народного хозяйства может быть признан лишь при условии, что уровень производительных сил общества непрерывно и плавно возрастает; всякие перебои, заминки, значительные ослабления темпов в этом движении свидетельствовали бы о дефектности плана.

То же самое надо сказать и о росте физического объема продукции, так как этот показатель связан с показателем производительности труда отношением прямой пропорциональности (темпа роста физического объема пропорционален произведению прироста численности трудящихся на прирост производительности их труда).

Что касается роста народного дохода (благополучия трудящихся масс), производительно затрачиваемого накопления, прогресса социализации, то хотя все эти моменты определяются в конечном счете ростом производительных сил, но зависимость эта в достаточной степени сложна и не только в действительности, но даже в оптимальной конструкции едва ли может быть выражена однозначной математической функцией. Можно, однако, и здесь признать априори явным „противопоказанием“ длительные остановки роста и, само собой разумеется, резкие регрессивные движения („кризисы“).

Недостаточность наших знаний лишает нас возможности найти сразу, чисто аналитическим путем, такое построение перспективного плана, которое в наибольшей мере удовлетворяло бы всем предъявляемым к реконструкции народного хозяйства целевым установкам. Нам приходится разрешать эту задачу методом последовательных вариантов приближений. Обычно мы строили до сих пор два варианта — максимальный и минимальный — при той же самой общей установке плана. Максимальный вариант рисует те достижения, какие можно получить при очень благоприятном стечении конъюнктурных и других не поддающихся предвидению обстоятельств, минимальный исходит из гипотезы менее благоприятной конъюнктуры.

При окончательной компоновке и опубликовании перспективного плана построение минимального и максимального варианта является целесообразным, так как дает диапазон возможных коле-

баний, нижний и верхний пределы, между которыми, по мнению самих составителей плана, могут колебаться проектируемые хозяйственные достижения в зависимости от обстоятельств, не поддающихся учету. Но в самом процессе построения плана, в процессе отыскания оптимума при тех „конъюнктурных“ предположениях, какие условно приняты за данное (например, „средний“ урожай, возможность иметь иностранные кредиты в определенной форме и в определенных размерах и т. п.), максимальный и минимальный варианты ни в коем случае не могут послужить нам путеводной нитью.

Для метода последовательных приближений к оптимуму нужны варианты, построенные на другой основе. Так как различные требования, предъявляемые к перспективному плану, не всегда находятся между собой в гармонии, а зачастую и прямо противоречивы, то при единстве основной концепции, в частности — и порой очень существенных частностях — у нас имеется несколько конкурирующих проектировок. Поскольку чисто теоретической аргументации недостаточно для того, чтобы с полной убедительностью отдать предпочтение тому или другому из конкурентов, приходится испытать их на деле, приходится каждую проектировку положить в основу особого варианта плана. Только такая проработка дает возможность конкретно сопоставить все плюсы и минусы, присущие построенным указанным способом гипотезам, без чего нельзя с достаточной обоснованностью признать оптимальной одну из этих гипотез или нащупать оптимальный компромисс между несколькими из них.

Если разработать теорию метода вариантных приближений совершенно отвлеченно и учесть (пользуясь теорией сочетаний), какое количество вариантов формально необходимо для того, чтобы сопоставить всего каких-нибудь четыре — пять различных установок плана, то получатся гигантские цифры, заставляющие, помимо, сразу опустить руки и признать метод вариантных приближений в силу его громоздкости неосуществимым при построении перспективного плана в те жесткие сроки, которые нам заданы. Однако, на практике едва ли можно представить себе случай, когда потребовалось бы сделать законченные варианты двух различных качественных установок. В огромном большинстве случаев достаточно будет немногих балансовых расчетов, чтобы решить вопрос в пользу того или другого варианта. Необходимо, конечно, оговориться, что метод вариантов пригоден лишь в тех случаях, когда спор возникает вследствие неясности связи между теми или другими производными установками и основными целевыми заданиями, которые понимаются спорящими сторонами совершенно одинаково. Если различное понимание касается самих первичных заданий, никакого общезначимого теоретического метода для устранения разногласия вообще изобрести нельзя.

Так как генеральный план еще далек от своего завершения, то для построения пятилетки придется воспользоваться ориентировоч-

ным предвосхищением его конечных итогов. В форме перспективных балансовых расчетов,— расчетов, разумеется, очень суммарных и грубых,— надо показать, как могут быть осуществлены и в каких глобальных цифрах должны быть выражены в генеральном плане те основные целевые задания, о которых шла речь выше.

Пятилетка должна дать уже в несколько более детализированном виде ближайший отрезок пути к тому преобразованному народному хозяйству, которое вырисовывается в свете перспектив генеральной реконструкции.

В статье, предпосланной председателем Госплана СССР „Материалам“, уже было подчеркнуто, что пятилетка отнюдь не задается целью дать „календарный“ план развертывания народного хозяйства. „При некоторых определенных конъюнктурных условиях и нашего и мирового хозяйства может случиться, что цикл хозяйственных событий, отмечаемых нашей пятилеткой, найдет свое завершение в какое-нибудь трехлетие, а при условиях обратного направления наша пятилетка может быть выполнена в шесть и более лет“ („Материалы“, стр. XIX).

Отсюда, однако, отнюдь не следует, что разбивкой пятилетнего плана по годам можно пренебречь или сделать ее совершенно произвольно. Чтобы выполнить постулат бескризисного развития, надо применить балансовую проверку не только к конечному пункту плана, но и к его промежуточным этапам, разделенным возможно более короткими интервалами. Работа по пятилетнему плану не может быть признана законченной до тех пор, пока мы не докажем, что не только в целом, но и на промежуточных этапах, условно помеченных той или другой календарной датой, наша проектировка дает более или менее уравновешенную систему,<sup>1</sup> т. е. органически связанное целое, а не случайное переплетение раздельных линий развития. Необходимо доказать, сверх того, что каждый следующий этап органически вытекает из предыдущего. Таким образом, разбивка по годам представляется весьма существенной и ответственной частью работы по построению перспективного плана. И можно сказать почти с полной уверенностью, что как бы тщательно мы ни продумали конечные итоги плана, балансовая проработка промежуточных звеньев заставит внести в построение последнего звена целый ряд поправок, необходимость которых мы не осознали бы без такой вспомогательной проработки.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Выше уже было отмечено, что некоторые диспропорции роста в отдельные годы могут оказаться неустраняемыми. В таких случаях задача погодной проектировки будет состоять в том, чтобы для каждого года свести эти диспропорции к возможному минимуму.

<sup>2</sup> Более подробно о связи между генеральным и перспективным планом см. принятый Методологической комиссией Госплана СССР доклад В. Базарова (напечатан в № 7 „План. Хоз.“ за 1926 г.).

Для того чтобы разрешить проблему о размерах резервов, необходимых для бесперебойного развития нашего народного хозяйства, было бы целесообразно предусмотреть в составе пятилетки один неурожайный год. Всего целесообразнее принять за неурожайный второй год. Это отнюдь не значит претендовать на пророческий дар; такая проектировка не имеет ничего общего с предсказанием неурожая именно в 1930 году. Приняв ее, мы обязуемся лишь показать, что наше народное хозяйство, в его теперешнем состоянии, имеет достаточные ресурсы для того, чтобы без нарушения плавного хода развития накопить резервы, позволяющие уже на втором году пятилетки бескризисно пережить неурожайный год. Если такое задание окажется невыполнимым, придется перенести неурожай на третий год, и т. д. Гарантируем ли мы этим, что на деле неурожай не случится на первом же году пятилетки. Ни в какой мере. Мы только утверждаем, что подготовить наше народное хозяйство в плановом порядке к бескризисному изживанию неурожая невозможно ранее, чем по прошествии одного, двух, трех и т. д. лет.

#### 4. Регулятивные идеи

Снижение индекса цен на промтовары по сравнению с индексом сельскохозяйственных товаров является одной из самых важных регулятивных идей периода реконструкции. Это главное оружие ликвидации натурально-потребительного хозяйства и рациональной специализации как земледельческих, так и внеземледельческих промыслов деревни. Вместе с тем, это один из важнейших рычагов повышения крестьянского потребления и постепенного выравнивания уровней жизни города и деревни.

За последнее время мы и в текущей практике, и в перспективных построениях старались осуществлять эту тенденцию, понижая цены на промтовары и удерживая стабильными сельскохозяйственные цены. Необходимо отметить, что этот модус возможен лишь при определенных конъюнктурных условиях и никоим образом не должен рассматриваться, как какая-то непререкаемая догма. В зависимости от колебаний урожая и других элементов текущей конъюнктуры может быть целесообразным сжимать „ножницы“ и при одновременном понижении того и другого индекса и при движении их навстречу друг другу. Только одновременное повышение обоих индексов не может быть приемлемо в качестве регулятивной идеи, ибо до тех пор пока покупательная сила червонца на внутреннем рынке не сравнялась с его номинальным паритетом, повышение курса рубля остается одной из существеннейших директив плановой политики.

В эпоху восстановительного процесса регулятивной идеей в политике зарплаты был принцип, что зарплата должна расти вровень с ростом производительности труда.

И в условиях восстановительного процесса, когда, с одной стороны, абсолютный уровень зарплаты был чрезвычайно низок, а с другой стороны, производительность труда росла, главным образом, за счет увеличения нагрузки без затрат на механизацию, эта регулятивная идея была вполне правильной. Но она перестает быть правильной в период реконструкции, тогда рост производительности труда должен происходить, главным образом, за счет технических улучшений производства, повышающих „производительную силу“ труда, но не затрагивающих его интенсивности. Для того чтобы создать на фабриках и заводах коллективную атмосферу, благоприятную для проведения мероприятий, повышающих производительную силу труда, целесообразно известную часть выгоды, извлекаемой отсюда, тратить на увеличение заработной платы рабочих того предприятия, где эти меры непосредственно проводятся. Но, конечно, доля эта не должна быть чрезмерно большой: повышение производительной силы труда есть тот ресурс, который позволяет систематически снижать цены на промышленную продукцию и в то же время увеличивать затраты на расширенное воспроизводство. Значительно урезав его, мы иссушили бы один из главнейших источников роста производительных сил в стране.

Однако, технический прогресс (в частности рационализация и специализация производства) в очень многих случаях повышает не только производительную силу, но и напряженность труда, в особенности напряженность внимания. В СССР эта сторона рационализации должна быть ограничена, конечно, пределами санитарно-допустимых норм и не может выродиться в те эксцессы сверхнапряженного труда, которыми современный капитализм выматывает силы, например, американского рабочего. Но и в рамках санитарно-допустимого напряженность индустриального труда у нас должна очень значительно повыситься в процессе реконструкции. Рабочий класс примет это необходимое последствие рационализации без сопротивления при условии, что вся та доля повышения производительности, которая осуществляется за счет роста интенсивности труда, будет целиком возмещена пролетариату посредством соответственного под'ема уровня жизни.

Таким образом, регулятивная идея реконструктивного периода может быть формулирована так: заработная плата должна повышаться быстрее повышения интенсивности труда, но медленнее роста его совокупной производительности. Другими словами, тот плюс, который получается в результате увеличения производительной силы труда, должен в известной пропорции делиться между зарплатой рабочих данного предприятия и всем общественным целым. В каком именно отношении следует производить этот раздел, зависит от конкретной обстановки места и времени и не может быть предугадано в виде регулятивной идеи общего значения.

При изложении целевых установок плана и в непосредственной связи с ними, нами указан целый ряд регулятивных идей перспективного планирования; намечены и те условия, при которых они имеют силу.

Исчерпать все циркулирующие среди наших плановиков регулятивы нет никакой возможности, да едва ли в этом есть и надобность. Достаточно будет в заключение суммарно коснуться группы регулятивных идей, сформулированных в виде директивных неравенств, намечающих темпы нашего планового строительства и соотношение между темпами его отдельных отраслей. Таковы, например, директивы: „темпы роста производительных сил в СССР должны быть больше, чем в капиталистических странах“; „продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления“; „промышленная продукция должна расти быстрее сельскохозяйственной“ и т. д.

Возникает, прежде всего, вопрос, в какой степени все эти неравенства совместимы друг с другом и с основными целевыми установками перспективного плана.

Допустим, что ближайшая проверка показала их полную совместимость. Другими словами, мы допускаем, что каждое из директивных неравенств правильно намечает одну из тех частных тенденций, которые, взятые в совокупности, образуют целостный комплекс развивающегося народного хозяйства. Даже и в этом случае директивные неравенства нельзя рассматривать как рецепты, пригодные на каждый день и час. Могут быть такие периоды, на протяжении которых, в силу некоторых специфических условий, общая тенденция отчетливо не проявляется и не может проявиться без нарушения системы народнохозяйственного равновесия. В каждом конкретном случае для каждого конкретного года вопрос о соотношении темпов должен решаться на основании анализа сложившейся народнохозяйственной обстановки и не может быть предрешен никакими директивами. Нельзя ни на минуту забывать, что регулятивные идеи, как бы ни были они почтенны в их общей формулировке, реально осуществимы лишь при наличии определенных условий, которых иногда может и не быть.